

УДК 347.9(47+57) «1921/1922»

Пустынников Александр Юрьевич

преподаватель Северо-кубанского гуманитарно-технологического института
33121888@rambler.ru

**К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1921–1922 гг.**

В статье исследуются основные черты судебной системы советской России, сложившейся к концу Гражданской войны, освещается комплекс причин, требовавших ее принципиального обновления на признанных принципах законности.

Ключевые слова: советская юстиция, судебная реформа, пролетарское правосудие.

Обращаясь к анализу большевистской правовой политики на начальном этапе становления советской государственности, следует отметить, что ее отличительной чертой являлась явная непоследовательность. Данный вывод как нельзя лучше иллюстрируют резкие переходы 1917–1918 гг. от идей многозвенной судебной системы и ликвидации трибуналов к идеям «единого народного суда» при формировании комплекса органов чрезвычайной юстиции. Думается, главная причина этой импульсивности в решениях заключалась в том, что правительство, впервые в мировой истории предпринявшее попытку построения социалистического государства, не имело перед собой четкого, детально разработанного плана, а потому было вынуждено реагировать в основном на текущие потребности, на ощупь отыскивая путь, способный вывести страну из кризисного положения.

Формально заключительную точку первого этапа развития советского суда поставило принятие Положения о народном суде от 21 октября 1920 г., обобщившего трехлетний опыт строительства органов социалистического правосудия [1]. Однако оно не устранило того положения дел, при котором в сфере революционного правосудия доминировали трибуналы (прежде всего военные), а действовавшие народные суды лишь частично удовлетворяли предъявляемым к ним требованиям. Следствием этого стали повсеместная политизация работы судов, колоссальное развитие административного произвола, пышный расцвет уголовной преступности, причем не только обычной (особенно насильственной), но и «политической». В частности, об этом говорят данные, характеризующие состав заключенных советских пенитенциарных учреждений. Согласно этим данным, больше половины лиц, отбывавших наказание в трудовых лагерях в 1919 и 1920 гг., были направлены туда в административном, а не судебном порядке [2, л. 3].

Pustynnikov Aleksander Yurievich

Lecturer of the North Kuban
Humanitarian and Technological Institute
33121888@rambler.ru

**ON THE QUESTION OF PREREQUISITES OF
THE JUDICIAL REFORM OF 1921–1922**

The article analyses the main features of the judicial system of the Soviet Russia formed by the end of the Civil War; covers the complex of causes that required fundamental renovation of the system based on the recognized principles of lawfulness.

Key words: Soviet law, judicial reform, proletarian justice.

Правовой нигилизм, отсутствие ясно сформулированного закона, правовая неотрегулированность и неопределенность превращали в фарс саму судебную процедуру. Рассмотрение дела в судебных инстанциях вовсе не гарантировало справедливости выносимого приговора. Вернее, мера справедливости чаще всего произвольно определялась по усмотрению того или иного судьи. В данном плане Наркомат юстиции признавал, что сложившаяся судебная практика фактически мало чем отличалась от полного беззакония. В частности, в статье «Уголовная репрессия в первые годы революции» подчеркивалась «пестрота и неравномерность разных видов наказаний, которые практиковали на основе революционного правосознания судьи». Поэтому ими назначались «весьма тяжкие наказания за сравнительно небольшие преступления и легкие наказания – за квалифицированные» [3, с. 27–28].

Такое положение дел логически следовало из политической линии большевистской партии, в силу которой во главу угла ставилось революционное правосознание, а судьи, следователи, прочие работники юстиции подбирались не по признаку профессионализма, а по признаку личной преданности правящей партии и идеям революции. В результате, по официальным статистическим данным за 1921 г. среди народных судей было 66% с начальным образованием, 10% – со средним, 6% – вообще без образования и лишь 17% – с высшим юридическим [4, с. 21]. Они-то и стали создателями судебного произвола.

Впрочем, не менее существенной проблемой этого времени представляется также незащищенность судей. Давление на них как со стороны всевозможных партийно-административных инстанций, так и участников процесса порой приобретало дикие формы. В данном плане интерес представляет эпизод из практики Краснодарского суда. Как следует из заявления народного судьи Н.П.

Германюка, 18 сентября 1920 г. произошел следующий инцидент: «Я рассматривал дело, в котором потерпевшие красноармейцы, отсутствовали свидетели, улики не было никаких. Я вместе с народными заседателями вынес оправдательный приговор. Вдруг из мест для публики вырываются два красноармейца, которые, как потом выяснилось, оказались потерпевшие по этому делу. Подбежав к столу с винтовками в руках и крича, они начали в самой резкой форме выражать свое недовольство по поводу оправдательного приговора. В зале поднялся шум и гам. Создалось такое впечатление, что красноармейцы хотят на месте расстрелять не то Суд, не то обвиняемых, не то всех вместе. Я, чтобы успокоить красноармейцев и публику, стал спрашивать их по существу. Показания красноармейцев пролили новый свет на дело. Выяснилась совершенно новая картина, и я вместе с народными заседателями вынесли обвинительный приговор. В этот момент в зале появляется заведующий отделом юстиции Краснушкин... и в результате громким голосом в присутствии многочисленных арестантов, конвойных, публики и судей сказал мне: “Вы арестованы – следуйте за мной”. Оценивая случившееся, судья заявлял: «Я считаю, что арест Судьи во время заседания до формального закрытия последнего, неслыханное происшествие в Народных Судах Советской Республики» [5, л. 129-129 об.].

Подобная незащищенность судей делала невозможным становление какой-либо судебной этики, порождала непоследовательность решений, еще более усугубляя полную профессиональную безграмотность судей.

Безусловно, победа в Гражданской войне, переход к миру требовали отказа от столь спонтанной организации и деятельности судов, принципиально нетерпимой в условиях любого стабильного общества. Власть не могла не учитывать, что годы лишений и массовых репрессий подорвали ее авторитет в глазах населения. При этом восторжествовавшая военнo-коммунистическая правовая система не оправдала себя. Она не поддерживалась массами. Неспособность революционной законности, выстроенной не на юридических, а на политических принципах, обеспечить стабильность правовых отношений объективно требовала установления нового правопорядка, учитывающего общепризнанные правовые элементы (общезначимость, гарантированность и т.д.).

Необходимость пересмотра правовой политики, внесения в нее изменений в соответствии с реалиями времени в еще большей степени выявил начавшийся переход к новой экономической политике. Основное значение в дан-

ном плане имела потребность в восстановлении экономики, в развитии новых экономических отношений, в расширении торговых и прочих связей с зарубежными странами. Но тормозил возрождение экономики «бесправный режим и система произвола» [6, с. 203]. Понимание этой очевидной, хотя и не вполне приятной для власти истины потребовало новых подходов, вылившихся в призыв к укреплению уже не революционной, а социалистической законности. После первых декретов (к примеру, о порядке наложения административных взысканий) [7], отразивших переломный момент в эволюции советского законодательства, большевики были вынуждены перейти к решениям качественно иного рода. Особое значение при этом имело принятие решений, регламентировавших переход от произвола к продналогу и свободному товарообмену, а также Декрета ВЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» (май 1922 г.) [8].

Помимо необычайно острой потребности в создании нормальной правоохранительной среды, следует выделить также необходимость обуздания порожденной эпохой чрезвычайщины и беззакония колоссальной волны уголовной преступности. Фиксируя необходимость усиления борьбы с преступностью, советское правительство признало, что решающая роль в решении этой задачи должна принадлежать традиционным судебным органам. В данной связи было принято решение о скорейшей разработке новых процессуальных положений, о создании перечня наказаний за конкретные преступления с учетом степени вины преступника. Во исполнение этого решения уже 26 февраля 1921 г. Народный комиссариат юстиции издал Постановление «Об усиленной ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе» [9], в котором, помимо рекомендации о назначении наказания в зависимости от характера преступления, судам предлагалось применять наказание по своему усмотрению, руководствуясь «социалистическим правосознанием». Вероятно, это был один из последних актов подобного рода. Наказания, определенные во время Гражданской войны за служебные преступления, были весьма мягкими, например, революционные трибуналы приговаривали в таких случаях к «общественному порицанию» [10, с. 459]. Спустя три месяца после опубликования постановления НКЮ ВЦИК совместно с Советом народных комиссаров принял декрет по той же проблеме, но совершенно иного содержания. Он предусматривал, даже за впервые совершенные служебные преступления тюремное заключение сроком от 3 до 15 лет или расстрел [11].

К концу 1921 г. идея законности овладела умами настолько, что даже появилась потребность в восстановлении давно отвергнутого понятия «закон» и возвращении забытого термина «законность» (хотя бы и с определением «революционная») [12]. О необходимости ее укрепления впервые публично было сказано на IX Всероссийском съезде Советов. Под влиянием его решений в течение полугода этот призыв подвергался энергичной интерпретации. Выступая на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, М.И. Калинин говорил: «До настоящего момента существовал только один подход к праву: что бы ни стояло на пути укрепления советской власти, оно должно было быть уничтожено. Но теперь времена изменились. Нашей великой задачей является сделать так, чтобы народ почитал закон» [13, с. 95].

Первые конкретные предложения о порядке реформирования судебной системы прозвучали на губернских съездах и совещаниях деятелей юстиции. Характеризуя общее положение дел в судах, юристы практически всех российских губерний выделяли три основные проблемы, без решения которых, по их мнению, никакая судебная реформа не могла дать надлежащих результатов. На главное место здесь, как правило, ставилась проблема материального обеспечения судов. В своих выступлениях делегаты губернских съездов неоднократно отмечали, что недостаточно высокая оплата работы судей ведет к взяточничеству, подрывает принцип законности. Второй немаловажной проблемой, стоявшей перед советской юстицией, признавался недостаточный авторитет народного суда в массах (в первую очередь по причине постоянного вмешательства в деятельность судов местных властей). Наконец, третья задача,

называвшаяся на съездах в качестве первоочередной, состояла в обеспечении судебных органов квалифицированными кадрами. Определяя перспективы работы в данной сфере, председатель Пензенского губсуда в своем докладе, в частности, отмечал: «Судьи нынешнего состава от юриспруденции стояли в стороне и на судебские посты призваны волею народа. Сегодня же судья должен быть спецом» [14, л. 138]. Таким образом, не столько лояльное отношение к власти, сколько профессиональные качества должны были стать, по мнению большинства местных работников, главным требованием, предъявляемым к судье в новых условиях государственного развития.

В целом, совершенно очевидно, что окончание Гражданской войны в Советской России потребовало полной перестройки существовавшей правовой системы. Этот процесс оказался неизбежным, поскольку к моменту окончания войны страна столкнулась с фактическим отрицанием закона, вылившимся в массовый террор, развал экономики. В данных условиях необходимо было, отказавшись от чрезвычайщины, создать единую систему судов общей юрисдикции, восстановить такие общезначимые нормы как принцип независимости суда, несменяемости судей и пр.

Тем не менее очевидно и то, что, провозгласив новую экономическую политику, советская власть сделала заявку не на восстановление буржуазной, а на реформирование социалистической системы правосудия, в которой не могло быть места ни судебской корпоративности, ни вообще какой-либо оторванности деятельности суда от интересов «государства диктатуры пролетариата».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Статистическое управление (СУ) РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 735.
3. Еженедельник советской юстиции. 1922. № 29-30.
4. Еженедельник советской юстиции. 1922. № 5.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3.
6. *Сорокин П.А.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.
7. СУ РСФСР. 1921. № 52. Ст. 310.
8. СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 423.
9. СУ РСФСР. 1921. № 20. Ст. 122.
10. *Крыленко Н.В.* За пять лет 1917–1922. Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном революционных трибуналах. М., 1923.
11. О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями // СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.
12. См.: *Бранденбургский Я.Н.* Просто законность или революционная законность? // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31-32; *Трайнин А.* О революционной законности // Право и жизнь. 1922. № 1.
13. Выступление М.И. Калинина на четвертом Всероссийском съезде деятелей советской юстиции // Четвертый Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. М., 1922.
14. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 17.